

Вор Мотрошилка

Дóсюль у старичка было три сына, два сына живут как живут, а третий стал поворуевать немного. Спёрыва по мужичкам маленько, потом еще по господам, потом стали царю жалиться. Царь и скаже:

— Поди, одинарец, сходи за стариком.

Ну, старик и пришел. Богу помолился, на вси стороны поклонился и царю поклон воздал.

— Здравствуй, надежа великий государь.

Он и ска:

— Что, старичок, сынок-то твой ворую?

Он ска:

— Нет, надежа великий государь, не ворую, а привыкае.

Он и скаже:

— Ну тогда, — говорит, — привыкает, так пускай у меня украдёт чашу и скатереть, тогда Бог и великий государь прощае. Нет, — ска,— тебя и сына казню.

Пришел старик домой кручиноват, а сын в окно смотрит, головы́ повесил. Ну сын и скаже:

— Что, батюшка, кручинишься?

— Ах как, ска, сын, как не живёшь благословясь, как други сыновá живут как живут. Вот царь службу накинул — украсть чашу и скатереть царьску, а нет — так тебя и меня казнить.

Ну он скаже:

— О, батюшко, это не служба — службишко, вперёд служба будя.

Ну, он шел на рынок, купил лакейски платья, а там бал у государя, узнал, — в который день, и на бал едут вси енералы, полковники, вси едут. Он скочил

к енералу на запятки и приехали к царьскому дворцу. Он выскочил с запятков, приходит в комнату в царьску и платье снимает у этого енерала. Енерал думает, что царьский лакей, а царь думает, что енеральский лакей. Они стали кушать все, потом откушали уж, со стола стали убирать, всё убрали, он тут всё ходит, одна чашка осталась и скатереть, он завернул и понёс из покоя в покой и на улицу унёс домой. На дрúгой день царю доложили, что нету, потерялась. Царь скажет:

— Мотрошилко (*так его, вишь, звали*), видно, украл. Одинарец, сходи-ка за стариком.

Старик пришел, Богу помолился, опеть на все стороны поклонился, царю поклон воздал.

— Здравствуй, надежа великий государь.

— Что, сынок-то твой ворюя?

Он скажет:

— Нет, не ворюя, а привыкае.

— Чашку и скатереть у меня украл.

А старик ска:

— Нет, не украл, взял.

— Что он делает? — скажет.

— На скатерти ест, а с чашки хлебает.

Потом:

— Поди, скажи сыну, пускай у меня украдёт царьского коня, жеребца угонит.

Ну, старик пошел, опеть голову повесил: «ежели не угонит, тебя, ска, и сына казню».

Сын опеть и спрашивает:

— Что, батюшко, голова повесил?

— Ах, сын, сын, как не живёшь опеть благословясь, опеть вот царьску службу накинуд — жеребца угнать, а нет, так тебя и меня казнить.

— Ну, это не служба, — скаже, — службишка.

Ну, потом он пошел на рынок опеть и купил худую лошаде́нку и бочку вина купил, впряг и поехал, и еде мимо царьский дворец. Взял да лошаде́нку в воду и в канаву и пихнул («лежи там»). Ну и приходит.

— Ах, братцы, царьски конюхи, пособи́тя вытащить лошаде́нку.

Ну, оны и шли, пособи́ли ему. Взял наце́дил яндову целую вина. Потом опеть стал:

— Братцы, царьски конюхи, нельзя ли меня как-нибудь приютить к ночи. Не всё ведь царь ведае. Ну, его и приютили к ночи, тот по том, а другой по другом и пустили. Он опеть им вина наце́дил.

— Пейте, братцы, сколько можете.

Оны и напились уж и вси допьяна, и вси развалялись, заснули спать. Он взял ключи (*на гвозду*) и пошел в конюшню, посмотрел: стоит конь в конюшни. Он и в другую — и там такой же опять конь. Он и в третью — и там и третий такой же. Он и думает: «Которого угнать? Каково, ежели не того!»

Ну, он и взял всех трёх угнал. Потом поу́тру выстали тыи, сходили в конюшню — жеребца нету, в другую сходили — там и другого нету, а третью сходили — там и третьего нету. Ну, потом царю доложили, что жеребцы потерялись. Ну, потом царь скаже:

— Ну ж, это Мотрошилка украл. Одинарец, сходи за стариком.

Старик пришел, Богу помолился, на вси стороны поклонился, царю поклон воздал.

— Здравствуй, надежа великий государь.

— Что, старик, что Мотрошилко ко́ней тых украл?

Он скаже:

— Нет, не украл, а взял.

— Ну, пускай, — говорит, — с-под меня и с-под царицы перину украде́т, то что и Бог — и великий государь прощае, а нет, так тебя и сына казню.

Он идёт, опеть кручинится, идёт, сын и стречает его.

— Что, батюшко, кручинишься?

— Ах, сын, как ты не живёшь благословясь, так вот царь велел перину и с-под царя и с-под царицы украсть, нет — так тебя и меня казнить.

Он шел опеть, шил крылья себе, подделал, ну и видит: около царьского дворьца окна пóлы у царя. Он поднялся и залетел к нему в окошко, и зашел в ёго спальню, и под кровать и сел. Ночь пришла, царь и царица пришли спать и повалились, гусельщик играет в гусли у них; ну, оны и заснули, и гусельщик заснул. Оны и прираскатились маленько. Он выстал да и в серёдку насрал им. Оны спали, спали, прохватились. Царь скажет:

— Царица, ты усралась.

А царица скажет:

— Нет, ты, царь, усрался.

Ну, потом крикнули, что уберитя постелю. Он выстал с-под кровати, взял убрал:

— Дайте я уберу.

И взял и убрал. И с покоя в покой, и с покоя в покой — и на улицу вышел и домой ушел и постелю унёс. Потом утром выстали, царьской постели нет, царю доложили:

— Постели нету.

Он ска:

— Мотрошилка это украл.

Потом он сделал бал себи и собрал всех енералов, и всех полковников, и всех арьхиереев, и арьхимандритов и всех собрал на бал себи.

— Одинарецъ, поди приведи старика и Мотрошилку.

Ну, потом старик и Мотрошилка пришли к государю. Богу помолились, на вси стороны поклонились, царю поклон вóздали.

— Здравствуй, надежа великий государь.

— Старик, ска, что сынок-то у тебя ворует?

Он ска:

— Не ворует, а привыкае.

— Чашу и скатереть у меня украл?

Он ска:

— Нет, не украл, а взял.

— Трех жеребцей украл?

Он скаже:

— Не украл, а взял.

— Перину с-под царя и с-под царицы украл?

— Не украл, а взял. Вот, — скаже, — что он делает: на скатерти ест, с чашки хлебае, на жеребцах катается, а на перины спит.

Он и скажет:

— Вот, господа енералы и вси, я, — говорит, — накинул на него три службы, и то, ска, его Бог прощае и великий государь, он вси и справил. Что нынь ему сделать?

Вси сказали, что царьско слово — взад не хóди, простить надо. Он и скаже:

— Бог прощае и великий государь, Мотрошилка, тебя.

И Мотрошилка пошел домой. Арьхиерей один и скаже:

— Просто, — говорит, — ворам воровать, как цари стали потакать.

Он и кликне:

— Мотрошилка, воротись-ка назад: можешь ли этому арьхиерею что сделать?

Он скаже:

— Надежа, великий государь, через неделю все будет готово.

Шел на рынок, накупал всяких материй и шил себе крылья и пошел ночью к этому архиерею. Пришел, колотится, архиерей и пустил его.

— Кто ты таковой есть? — спрашивают.

— Есть я ангел с небес; ваши, владыко, молитвы, вишь, доходны до Господа Бога. Господь боля не може слышать ваших молитв, послал меня за тобой.

Ну, архиерей обрадовался, забегал. Он:

— Отче, — говорит, — к Господу с волосами никак идти нельзя. Господь волос не любит.

Обрадовался архиереюшко, забегал ножницы искать. Потом он волосы у его обрил, у архиерея этого.

— Отче, — говорит, — надо мешок какой-нибудь, лететь ведь далёко-высоко, ты спутаешься, неровно на зень зглянешь, устрашишься, упадешь на зень. Я как к Господу прилечу, как тебя потеряю?

Потом он взял в мешок клал и понёс его. Выздынул высоко в колокольню (*колоко́льню хоть по-вашему*).

— Ну, — говорит, — отче, я стану тебя пихать Господу, смотри не перни.

Попихал, он и пёрнул. Он выдернул назад и говорит:

— Ах ты, глинная дыра, душу в ад провела.

Ну, и начал его взад по ступеням ролгать (*поволок*). И потом он повесил на гвоздик в тую церковь к дверям; гвоздик щелкнул к дверям и мешок повесил, гди царю идти у обедне, и дубинку клал тут. Ну, и подписал на ворота, что «кто идёт мимо этого мешка, так чтобы всякому по этому мешку три раза ударить; кто не ударит, то быди проклят тот». И потом кто идёт, всякий ударит. Идёт царь сам к обедне и смотрит на надпись на эту.

— Ну, лакей, — говорит, — ударь три раза за меня и за себя.

Потом:

— Сними, — говорит, — мешок, стряхни, — говорит.

Стряхнули — там выскочил человек. Царь и скаже:

— Кто ты такой?

— Есть, — говорит, — архиерей.

— Какого черта архиерей, у меня такого архиерея в Европы нет. Налипай,
— говорит, — лакей, его под жопу.

Потом:

— Ну, — говорит, — это Мотрошилка сделал.

От обедни пришел домой царь.

— Одинарецъ, сходи-ка за Мотрошилкой.

Мотрошилко пришел, Богу помолился, на вси стороны поклонился, царю поклон опять воздал.

— Здравствуй, надежа великий государь.

— Ну что, Мотрошилка, исполнил службу архиерею?

Тот ска:

— Исполнил, ваше царьско величество.

Он его и наградил.

*(Зап. летом 1903 года от крестьянки Дмитриевны в д. Кедрозеро
Петрозаводского уезда Олонецкой губ.)*

Заветные сказки из собрания Н. Е. Ончукова. М.: Ладомир, 1996.